

М. В. БИБИЛОВ,

заместитель директора Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории исторической науки Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук (Москва)

ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ НА РУСИ: ТРАДИЦИИ И РЕЦЕПЦИЯ

Вполне естественным представляется появление в программе Лихачевских чтений данной темы, так как она была одной из важнейших среди занимавших Дмитрия Сергеевича. В 1991 г. в Москве состоялся представительный международный научный форум — XVIII Всемирный конгресс византинистов, на который съехались более трех тысяч ученых

со всего мира. Д. С. Лихачев был председателем конгресса. В те августовские дни мы много с ним общались, беседовали, обсуждали ход

Конгресса, в центре которого стояла как раз тема византийского наследия в культуре Руси. Предлагаемое сообщение навеяно памятью о тех беседах.

Новый импульс тесному культурному взаимодействию Византии и Руси, несомненно, придало крещение Руси в 988 г., но его предыстория относится еще ко второй трети IX в., когда, судя по сообщению одного из посланий константинопольского патриарха Фотия, «росы» приняли христианство и к ним направили византийского иерарха. Таким образом, появление греческого клира в русской среде произошло более чем на столетие раньше, чем крещение Руси князем Владимиром. Представление о Руси как христианской, дружественной Византии державе укрепились с тех пор не только в греческих средневековых памятниках, но и (если судить по Уставу князя Владимира в составе Софийской кормчей XIII в., по Предисловию к Киево-Печерскому патерику и Четьям-Минеям) в русской традиции.

Древнерусская и византийская столицы — Киев и Константинополь — были главными центрами официальных политических контактов. В Киеве таким центром был, несомненно, митрополичий двор: учреждение русской митрополии константинопольского патриархата в Киеве между 996/7 и 997/8 гг. сказалось на интенсификации русско-греческих связей. Двадцать два из двадцати четырех известных до начала XIV в. митрополитов Руси были греками. Греками были и большинство епископов в почти двух десятках древнерусских епископий, а также настоятели монастырей, прочие клирики.

С возникновением церковной организации на Руси связан и другой важнейший центр русско-византийских культурных связей. Это Херсонес (средневековый Херсон) в Крыму, или Корсунь, как он назывался в древнерусских летописях. Именно там, по свидетельствам о крещении Владимира, произошли основные политические события, непосредственно связанные с официальной христианизацией киевского князя и всей Руси. Именно корсунянина Анастаса предание называет первым «княжеским протопопом» в Десятиной церкви в Киеве. А новгородским епископом во времена князя Владимира назван также корсунянин — Иоанн. Летопись новгородских владык под 991 г. первым новгородским епископом, присланным патриархом Фотием (!), называет Иоакима (Якима) Корсунянина, деятельность которого относится к 996–999 гг.

С направлением торговых путей связано и оживление центра русско-греческих связей в Нижнем Подунавье: судя по «Повести вре-

менных лет», во второй половине X в. в Переяславле на Дунае русско-греческая торговля была обычным явлением.

Наконец, еще одним центром таких связей была Фессалоника — Солунь (в славянской традиции), куда на ярмарку в XII в. спешили, как рассказывается в византийской сатире «Тимарион», купцы с северных берегов Эвксинского Понта.

Показательно хорошее знание в Византии административно-политической структуры Древнерусского государства, его областей, центров, церковных епархий, этногеографических особенностей. Об этом говорят данные Константина Багрянородного, Списков епископий, тактиконов. В перечне епископий Великой России, составленном в середине XII в., перечисляются Белгород, Новгород, Чернигов, Полоцк, Владимир, Переяславль, Суздаль, Туров, Канев, Смоленск, Галич. Под именем «Киава» Никита Хониат и Иоанн Киннам имеют в виду, несомненно, Киев. Наиболее полные рассказы византийских писателей этого времени касаются Галицкой Руси, близкой к Византии территориально и потому занимавшей в международных связях Империи видное место.

Крупнейшим центром взаимодействия культур того времени был, конечно, Афон. Более тысячи лет существует то, что иногда называют «монашеской республикой», обосновавшейся на склонах гористого полуострова Халкидика. Афон, или Святая гора, с последней трети X в. стал колыбелью возникших здесь нескольких десятков монастырей и скитов — греческих (Ватопедского, Ксиропотамского, Филофейского, Ксенофонта, лавры Св. Афанасия и др.), грузинского — Иверского, сербского — Хиландарского, болгарского — Зографского, русского — Ксилурга («Древодела»), Св. Пантелеймона. Кутлумушский монастырь был, вероятно, основан в XII в. крещеным сельджуком — потомком тюрка Кутлумуша. Сохранились старинные гравюры и рисунки афонских обителей. Так, на рисунке Русского монастыря Василия Григоровича-Барского воспроизведены архитектурные памятники «Русика», как его называли, — высокая надвратная башня, католикон — главный собор. А на гравюре А. Варина из Венской национальной библиотеки хорошо видны все часовни, собор, трапезная Русского монастыря; здесь же — и монастырская библиотека, известная своим рукописным собранием.

Действительно, библиотека и архив — неотъемлемая, важнейшая часть афонских монастырей. Прежде всего в них хранились важные для афонитов юридические документы:

императорские грамоты — хрисовулы, распоряжения протата — святогорского «правительства», другие акты, регулирующие нормы жизни на Афоне. Но библиотеки были не только местом хранения важных документов. Книжные собрания помогали творчеству литераторов, историков, публицистов, распространению средневековой культуры по всему свету. Когда в середине XI в. основатель Киево-Печерской лавры Антоний Печерский с помощью эсфигменского игумена ознакомился на Афоне с уставом, то, вернувшись в Киев, он использовал и афонский опыт для формулировки определения статуса первого монастыря Древней Руси.

Путь взаимодействия культур был двусторонним — как из Греции на Русь, так и обратно: в самой Византии была распространена древнерусская книжность, в чем нас снова убеждают материалы афонских архивов. Сохранилась опись 1142 г. имущества Русского монастыря, где в скрупулезном перечне всего, что находилось в нем к тому времени, названы многочисленные иконы, изделия из золота, серебра, драгоценных камней, а также книги. При этом подчеркивается наличие русских книг и шедевров прикладного искусства. Судя по этому документу, библиотека только русских книг насчитывала сорок восемь томов. Это немало, если иметь в виду, что, например, в Москве даже значительно позже, к середине XVII в., на Печатном дворе насчитывалось тридцать две греческие книги.

В период серьезных испытаний XIII в. — после завоевания Византии крестоносцами в 1204 г. и монголо-татарского нашествия на Русь — связи греков и Руси не прекращались.

В новых условиях происходит возвышение нового центра взаимных контактов — Москвы. В это время прокладывается и активно используется и новый путь — Азовско-Донской. Он хорошо описан в «Хождении митрополита Пимена в Царьград» 1389 г. Пимен отправился из Москвы и, миновав Рязань, прошел путь по Дону, через Азов, крымскую Кафу (Феодосию), Судак и через Синоп уже на южном побережье Черного моря прибыл в Константинополь, потратив на весь путь два с половиной месяца.

Этот период характеризуется углублением прежде всего культурных связей греков с Русью. Успешно развивается такое новое явление, как греческое иконописание в России. В 1408 г. трапезундский епископ Феодул в Москве переписывает Анфологий, находящийся сейчас в рукописном собрании Ватиканской библиотеки. Эта книга находилась в Москве в библиотеке митрополита Фотия

(1408–1431), которому принадлежало еще восемь ныне известных рукописных кодексов. В его же библиотеке была и переписанная в 1408/09 г. также греком Феодулом Триодь (Постная и Цветная), хранящаяся сейчас в Государственном историческом музее в Москве. Позже, в конце первой четверти XVI в., эту книгу использовали Максим Грек и Михаил Медоварцев для «правки» текста Цветной Триоди.

В середине XVI в. библиотека греческих книг была собрана сподвижником Ивана Грозного Сильвестром. Туда вошли, в частности, рукописи Максима Грека. Рукой греческого философа и просветителя, как следует из записей в книгах, была выполнена в Твери в 1540 г. Псалтырь, а чуть позже — «Апостол».

В июле 1588 г. в Москве в окружении константинопольского патриарха Иеремии II появился Иерофей Монемвасийский. Результатом работы этого книжника в Москве стал сборник Геласия Кизикского о Никейском соборе и актов III Эфесского собора, а также книга 1596 г. блаженного Августина в греческом переводе Максима Плануда и Прохора Кидониса.

В Иерусалимском храме Вознесения находится и прекрасная греческая рукопись — «златокованное» служебное Евангелие, изготовленное в Москве в 1596 г. специально царю Борису Годунову для подарка кодекса иерусалимской церкви. Всего в XV–XVI вв. в России — в Москве, Твери и Новгороде — было переписано двадцать две греческие рукописи, дошедшие до нашего времени.

В XVII в. поток греческих книг в Россию резко увеличился. Около пятисот книг — рукописных и старопечатных — привез из поездки по Афону в 1653–1655 гг. Арсений Суханов. Эти книги и поныне являются жемчужиной московского собрания рукописей Государственного исторического музея.

Такое распространение греческой образованности в России, прежде всего в Москве, привело к тому, что со второй половины XVII в. греческие книги переписываются здесь уже не только греками, но и русскими писцами, получившими соответствующее образование.

Итак, литературные и историко-культурные богатства наших библиотек позволяют сделать интереснейшие наблюдения, касающиеся живых, не прерывавшихся связей Византии и Руси и характеризующие важный вклад греческой книжности в развитие образованности в России в условиях творческого взаимодействия греческой и русской культур.